

ИНДИЯ: СВОБОДА В ПОЛНОЧЬ И ЕЕ ЦЕНА

© 2022

В.П. Кашин¹

Провозглашение независимости Индии в полночь с 14 на 15 августа 1947 г. стало исторической победой народов Индостана и долгожданным результатом их многолетней борьбы за свободу. «Передача власти» от британской короны законному правительству Дж. Неру была следствием вынужденного компромисса, достигнутого колониальными властями и лидерами ведущих индийских партий. Раздел Британской Индии на Индийский Союз и Пакистан был произведен вице-королем лордом Маунтбэттенем в предельно сжатые сроки на основе принципа религиозно-общинной принадлежности провинций. Он повлек за собой разрыв сложившихся экономических, торговых и социальных связей, усложнил и без того тяжелое экономическое положение новых доминионов и сопровождался массовой резней между индусами и мусульманами, мусульманами и сикхами, в ходе которой погибли более 1 млн человек и 14,6 млн стали беженцами. При этом достижение независимости кардинальным образом изменило судьбу народов субконтинента. Оно способствовало росту национального самосознания и межэтнической интеграции. Во вновь образованных доминионах началось складывание двух различных типов политических культур — секуляристской в Индии и исламистской в Пакистане.

Ключевые слова: Закон о независимости Индии, Индийский Союз, Пакистан, религиозно-общинные погромы, беженцы.

Для цитирования: Кашин В. П. Индия: свобода в полночь и ее цена. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2022. № 2. С. 13–27. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-2-13-27

INDIA: FREEDOM AT MIDNIGHT AND ITS PRICE

Valeriy P. Kashin

The proclaiming of the Indian Independence, which took place at midnight on 14-15th August, 1947, became a historic victory of the peoples of Hindustan and the long-expected result of their extensive Struggle for Independence. ‘The Transfer of Power’ from the British Crown to the legitimate government of Jawaharlal Nehru was a consequence of the compromise between the colonial administration and the leaders of the main Indian political parties. The Partition of British India into the Union of India and Pakistan was carried out by the Viceroy Lord Mountbatten within a brief period according to the religious-communal principle of provincial affiliation. The Partition was followed by the collapse of established economic, trade and social bonds; it worsened the already difficult economic state of the new dominions and was marked with violence, riots and fights between the Hindus and the Muslims, the Muslims and the Sikhs. More than 1 million people died, and 14.6 million became refugees. Nevertheless, the achievement of Independence dramatically changed the destiny of the peoples of the subcontinent. It encouraged national awareness and international integration. The development of the two political cultures of different kinds, the secularist one in India and the Islamic one in Pakistan, started in the newly formed dominions.

¹ Валерий Петрович КАШИН, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; indology@mail.ru
Valeriy P. KASHIN, PhD (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; indology@mail.ru
ORCID ID: 0000-0003-0119-9157

Keywords: Indian Independence Act, Union of India, Pakistan, communal riots, refugees.

For citation: Kashin V.P. India: Freedom at Midnight and its Price. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2022. 2. Pp. 13–27. DOI: 10.31696/2618-7302-2022-2-13-27

В 2022 г. российская и индийская общественность отметили 75-летие провозглашения независимости Индии, самой большой и драгоценной жемчужины в короне британской империи. Это знаковое событие произошло в полночь с 14 на 15 августа 1947 г. Оно стало долгожданным результатом многолетней борьбы народов Индостана против британского колониального господства, а также следствием политического компромисса, к которому пришли колониальные власти и лидеры ведущих индийских партий. Компромисс дорого обошелся индийской стороне и привел к разделу субконтинента на Индийский Союз и Пакистан, осуществленному вице-королем лордом Маунтбэттенем на основе принципа религиозно-общинной принадлежности провинций.

В КРАТЕРЕ ВУКАНА

В канун «передачи власти» обстановка в Британской Индии характеризовалась высоким уровнем политического напряжения и таила опасность социального взрыва с непредсказуемыми последствиями. Обещание Лондона предоставить Индии статус самоуправления, поспешно данное в годы Второй мировой войны, в преддверии вторжения японской армии в Южную Азию, оказалось невыполненным. Противоречия между Индийским национальным конгрессом (ИНК), самой массовой и авторитетной партией страны, выступавшей за независимость Индии как единого государства, и Мусульманской лигой (МЛ), отстаивавшей идею образования отдельного государства индийских мусульман Пакистана, казались неразрешимыми.

После того как МЛ бойкотировала работу Учредительного собрания Индии и объявила 30 июля 1946 г. началом «прямых действий» за создание Пакистана, по стране прокатилась волна религиозно-общинных погромов. 16 августа 1946 г. в Калькутте погибло 5 тыс. человек и 100 тыс. остались без крова. Город являл страшное зрелище. Его хорошо освещенные улицы как бы выставляли напоказ груды мертвых человеческих тел и кучи гниющего мусора. Трупы громоздились на тротуарах и проезжей части, валялись в сточных канавах, в домах, храмах и мечетях, плыли по реке Хугли. Опасаясь массовых эпидемий, правительство Бенгалии предложило выплачивать по 5 рупий за каждое убранный труп. Армейские подразделения спешно вывозили трупы за городскую черту и закапывали в больших котлованах [Кашин, 2022, с. 46]. Вслед за Калькуттой вирус религиозно-общинной розни быстро распространился на другие дистрикты Бенгалии, а также Бихар и Бомбей. Одновременно набирали силу стачки рабочих Бомбея, Дели и Мадраса, выступления крестьян-арендаторов Соединенных провинций и издольщиков Бенгалии, забастовки военных летчиков Амбалы и полицейских Бихара и Малабара, антифеодалные волнения в Кашмире и Хайдарабаде. На подавление восстания 20 тыс. бомбейских моряков 18–23 февраля 1946 г. были брошены войска. Индия медленно погружалась в пучину хаоса и религиозно-общинной бойни.

Колониальные власти оказались бессильными перед напором стихии. Для сохранения господства над Индией англичанам требовалась огромная оккупационная армия, тогда как в период, предшествовавшей «передаче власти», на Индостане находились всего 163 тыс. бри-

танцев, включая 63 тыс. чиновников Индийской гражданской службы и военнослужащих [White-Spunner, 2017, p. 55]. Среди британских чиновников усилились брожения, дальнейшее пребывание в колонии им представлялось бесперспективным. Широкое распространение получили слухи о предстоящей эвакуации на родину. Выступая в Лондоне перед членами лейбористского кабинета в конце 1946 г., премьер-министр Клемент Эттли подчеркнул: «Одно ясно со всей определенностью — мы не в силах повернуть стрелку часов вспять и восстановить период устойчивого правления. Ни военный, ни административный аппарат в Индии не способны справиться с этой задачей» [Constitutional Relations, 1980, v. 9, p. 319].

В сложившейся ситуации проблема заключалась в том, как скоро колониальной администрации придется покинуть Индостан, а главное — какой останется Индия в результате этого исторического акта. Что касается мнения британской стороны, то оно со всей определенностью было выражено тем же Эттли в декларации от 20 февраля 1947 г. В ней высказано намерение передать власть в руки индийцев не позднее июля 1948 г. Если в Индии к этому времени не окажется общепризнанного правительства, то власть перейдет к существующим на тот момент провинциальным правительствам [Constitutional Relations, 1980, v. 9, p. 774].

В этой связи напомним, что первая попытка раздела Британской Индии, а точнее Бенгалии, по религиозно-общинному принципу была предпринята еще в 1905 г. вице-королем Джорджем Керзоном. Она закончилась неудачей, так как против этого выступило подавляющее большинство населения провинции.

Материализация идеи раздела в новых условиях представлялась более реальной и не без основания рассматривалась многими участниками событий как альтернатива индусско-мусульманским погромам. В случае ее принятия индийскими партиями перед страной открывалась перспектива выхода из политического тупика. Однако претворение упомянутых замыслов требовало немалых усилий, новых подходов и смелых инициатив. Все это было не по плечу Арчибалду Уэйвеллу и его команде. Престарелый фельдмаршал, вступивший в должность вице-короля Индии в июне 1943 г., быстро настроил против себя индийских лидеров. Его инертность и упрямое следование в фарватере официальной доктрины их раздражали. Кроме того, с именем Уэйвелла связывали курс на сохранение существующего статуса и затягивание решения о переводе Индии на положение доминиона.

В результате выбор пал на кандидатуру 46-летнего Луиса Маунтбэттена, блестящего морского офицера. Выходец из аристократической семьи, он приходился кузеном королю Георгу VI. В начале мировой войны Маунтбэттен участвовал в борьбе с немецкими подводными лодками, командовал авианосцем, в 1942 г. руководил десантом на Мадагаскар, а в 1943–1946 гг. возглавлял штаб союзных войск в Юго-Восточной Азии. Под руководством Маунтбэттена союзные войска в 1945 г. освободили Бирму и Сингапур от японской оккупации. Он зарекомендовал себя как энергичный руководитель и тонкий политик. Современники особенно подчеркивали его природное обаяние и редкое умение располагать к откровению собеседников. В конце марта 1947 г. Маунтбэттен прилетел в Дели. Трудная миссия его не страшила.

ПЛАН МАУНТБЭТТЕНА

Первые шаги нового вице-короля укрепили мнение в пользу готовящегося раздела Индостана. В речи по случаю приведения к присяге он выразил намерение «передать власть» в течение ближайших месяцев, а затем повел целенаправленную обработку руково-

дителей ИНК Джавахарлала Неру, Сардара Пателя, а также «отца нации» Махатмы Ганди, выступавших против раздела. Навстречу последнему он даже посылал в Бихар свой персональный самолет. После этого жена и дочь Маунтбэттена стали частыми посетителями религиозно-нравственных бесед, регулярно проводимых Ганди.

Ни один прием во дворце вице-короля не обходился теперь без индийцев. Количество гостей на обедах доходило до 15 тыс. Индийцам подавали вегетарианские блюда, чего никогда не было раньше, и позволяли есть руками. Неру как-то не без иронии заметил, что к новому вице-королю было трудно пробиться, так много индийцев его окружало.

«Лорд Маунтбэттен был очень умен и умел читать мысли своих индийских коллег. Как только он понял, что Патель склонен разделить его взгляды, он пустил в ход все свое личное обаяние, чтобы завоевать Пателя», — отмечал впоследствии видный деятель освободительной борьбы Индии Абул Калам Азад [Азад, 1961, с. 264]. Но еще большее удивление он выразил по поводу способности вице-короля привлечь на свою сторону Неру. «Спустя месяц со времени приезда Маунтбэттена в Индию Джавахарлал, решительный противник раздела, если и не превратился в сторонника этой идеи, то, во всяком случае, начал проявлять признаки молчаливого согласия, — вспоминал Азад. — Лорд Маунтбэттен, безусловно, произвел на Джавахарлала большое впечатление, но, пожалуй, еще более сильным оказалось влияние леди Маунтбэттен» [Азад, 1961, с. 264].

Постепенно основные положения проекта Маунтбэттена стали обретать контуры. Они предполагали раздел Бенгалии и Панджаба и предоставление каждой провинции права выбора политического будущего. Стало быть, план предусматривал создание на месте колонии сразу нескольких государств и получил название плана «балканизации» Индии. Индийский национальный конгресс его отверг и дал ясно понять, что никогда не согласится с передачей власти провинциям [Constitutional Relations, 1981, v. 10, p. 756].

Тогда Маунтбэттен предложил индийским лидерам подписать проект так называемых «глав соглашения». Документ предусматривал передачу власти на основе статуса доминиона и создание двух государств с единым генерал-губернатором. Мухаммед Али Джинна от имени МЛ одобрил основные положения «глав соглашения», но отказался их подписать. Джавахарлал Неру и Сардар Патель от лица ИНК и Балдев Сингх от сикхов поставили подписи под этим проектом. В послании Маунтбэттену Неру отметил, что Конгресс принял условия вице-короля исключительно ради урегулирования отношений с Лигой [Constitutional Relations, 1981, v. 10, p. 855].

2–3 июня вице-король провел конференцию с индийскими лидерами. Он заручился официальным заверением ИНК, МЛ и сикхов о принятии ими плана раздела. Разъясняя позицию своей партии, Неру, в частности, заявил, что ИНК принимает план Маунтбэттена, исходя из сложившегося соотношения сил, но не одобряет его содержания [Constitutional Relations, 1982, v. 11, p. 45]. По окончании конференции вице-король выступил по индийскому радио. Он пытался убедить аудиторию в добровольном отказе метрополии от своей колонии и даже назвал себя «противником» раздела, указав на его необходимость вследствие настоящих требований Лиги и согласия Конгресса на создание Пакистана [Constitutional relations, 1982, v. 11, p. 87]. Таким образом, всю ответственность за раздел Индии он возложил на самих индийцев.

Позднее на пресс-конференции Маунтбэттен объявил о намерении осуществить передачу власти 15 августа, то есть в течение ближайших двух месяцев. Это решение было приня-

то им самостоятельно и без согласования с Лондоном и индийскими участниками переговоров. Существует несколько версий о причинах очевидной поспешности Маунтбэттена при назначении даты раздела Британской Индии, совпавшей со второй годовщиной поражения Японии и окончанием Второй мировой войны. Одни указывают на его страстную тягу к морю и морской службе, другие ссылаются на опасение за линию МЛ после возможной смерти Джинны, неизлечимо больного туберкулезом. Но прежде всего вице-король был вынужден спешить, ввиду острого политического кризиса, переживаемого Индией.

При этом ни высшие чины колониальной администрации, ни самые искушенные министры с берегов Темзы не могли предположить, что в их планы вмешаются индийские астрологи. Первые отклики поступили из священного города Бенареса. При всей пестроте астрологических школ местные звездные прорицатели сочли выбранный день крайне неблагоприятным. Узнав о готовящемся акте, один из астрологов в Ассаме от волнения лишился чувств. Придя к себе, он направил на имя вице-короля срочную телеграмму, в которой умолял его воздержаться от всех мероприятий в день, «проклятый звездами» [Collins, Lapierre, 1976, p. 167].

Соппротивление астрологов возбуждало массы и тем самым накаляло политическую обстановку. В этой ситуации стали поднимать голову силы, заинтересованные в продолжении британского колониального присутствия. Учитывая это, Учредительное собрание Индии приняло решение о переносе официальной церемонии провозглашения независимости Индии с 15 августа на полночь с 14 на 15 августа 1947 г.

СВОБОДА В ПОЛНОЧЬ

12 июня состоялось первое заседание Комитета по разделу под председательством вице-короля и равного числа участников от ИНК и МЛ. Тогда же приступили к работе департаменты по делам княжеств, разделу армии, финансов и т.д. Последние препятствия на пути расчленения Индии были устранены после оглашения итогов голосования в Бенгалии и Панджабе. 20 июня законодательное собрание Бенгалии, а 23 июня — Панджаба высказались в пользу присоединения к Пакистану.

После этого берет начало деятельность пограничных комиссий. Одна из них ведала разделом Бенгалии и отделением дистрикта Силхет, населенного преимущественно бенгальцами-мусульманами, от Ассама, другая — разделом Панджаба. Во главе обеих комиссий был поставлен видный британский юрист Сирил Рэдклифф. Прежде он никогда не посещал Южную Азию. В помощь ему был выделен воинский корпус. Размежевание дистриктов проходило в большой поспешности. При проведении линии границы было допущено много неточностей и ошибок, что приводило к пограничным трениям и спорам.

Острые разногласия также имели место при разделе финансов, делопроизводства и центрального административного аппарата. В итоге Пакистан получил 17,5% банковских авуаров Британской Индии, 20% делопроизводства и около трети армейских вооружений и другого военного имущества. При этом не обошлось без курьезных и трагических ситуаций. Так, энциклопедические издания делились потопно, а однотомные разрывались пополам. На том основании, что Тадж-Махал был построен Великими Моголами, исламские экстремисты требовали демонтировать знаменитый мавзолей и перевести его на территорию Пакистана. В ответ индусские садху настаивали на перекрытии Инда гигантской плотиной, чтобы воды священной реки протекали только в границах Индийского Союза [Collins, Lapierre, 1976, p. 171].

Одновременно в британском парламенте завершалось слушание билля о самоуправлении Индии, который 18 июля был подписан королем и стал законом. Закон о независимости Индии был составлен в соответствии с основными положениями плана Маунтбэттена. Он состоит из 20 статей и 3 приложений [Constitutional Relations, 1983, v. 12, pp. 234–249]. Закон предусматривал создание на месте Британской Индии двух доминионов — Индийского Союза и Пакистана. В состав Индийского Союза вошли Бомбей, Мадрас, Центральные провинции, Орисса, Бихар, Соединенные провинции, Восточный Пенджаб, Западная Бенгалия и Ассам общей площадью 3288 тыс. кв. километров и населением 320 млн человек. Пакистан был образован из двух частей, разделенных территорией Индийского Союза и отстоящих друг от друга на 1,6 тыс. километров. Пакистан составили Западный Пенджаб, Синд, Северо-Западная пограничная провинция, Белуджистан, Восточная Бенгалия и дистрикт Силхет Ассама площадью 945 тыс. кв. километров и населением 71 млн человек. Было объявлено о прекращении действия договоров и дарственных актов, существовавших между британским правительством и индийскими княжествами. Каждому из 562 индийских княжеств предоставлялось право самостоятельного решения вопроса о присоединении к одному из доминионов или о независимом существовании.

Во главе доминиона стоял генерал-губернатор. Принятый законодательным собранием доминиона закон вступал в силу после получения соответствующих санкций генерал-губернатора. Британские воинские контингенты оставались в Индии и Пакистане на неопределенное время. Доминионы получали возможность устанавливать дипломатические отношения с иностранными государствами.

Стало быть, Закон о независимости Индии не означал приобретение бывшей колонией полного суверенитета. Он сохранял Индостан в орбите британских интересов и давал Великобритании право на вмешательство в политическую жизнь Индии и Пакистана.

Тем временем вице-король объявил об учреждении временных правительств доминионов. Правительство Индии возглавил Джавахарлал Неру, правительство Пакистана — Лиакат Али-хан. К 7 августа завершили работу демаркационные комиссии. В тот же день Джинна покинул Индию и отбыл в Карачи. 14 августа в Карачи состоялась церемония провозглашения Пакистана.

Поздним вечером 14 августа в Нью-Дели открылось заседание Учредительного собрания. Его участники исполнили песню «Банде Матарам» («Привет тебе, Родина-Мать!»), которая была источником вдохновения народа в тяжелые годы борьбы за независимость. Они почтили двухминутным молчанием память всех погибших за освобождение страны. Затем были приведены к присяге министры индийского правительства и генерал-губернатор Индийского Союза. Им был утвержден Маунтбэттен. Он оставался на этом посту до 20 июня 1948 г., когда генерал-губернатором стал Чакраварти Раджагопалачари.

В тишине зала особенно торжественно звучали слова первого премьер-министра Индии Джавахарлала Неру: «В тот момент, когда часы пробьют полночь и весь мир будет погружен в сон, Индия пробудится к жизни и свободе. Мы переходим из старого мира в мир новый. Наступает тот редкий миг в истории, когда прежняя эпоха закончилась и душа народа, угнетаемая долгие годы, обретает себя» [Nehru, 1985, v. 3, p. 135]. Далее Неру огласил текст клятвы. В ней было выражено намерение индийских лидеров посвятить себя служению Индии, ее народу, делу гуманизма и мира во всем мире. Клятву принесли все члены Учредительного собрания.

Весь следующий день Индия жила радостным возбуждением. Повсюду проходили многочисленные торжественные мероприятия, состоялись парады и салюты. Главным событием праздника стала манифестация у средневековой делийской крепости Красный форт. Здесь в 4 часа дня Неру поднял шафраново-бело-зеленый флаг независимой Индии.

Шафрановый цвет флага символизирует мужество и самопожертвование, белый — чистоту и правду, зеленый — веру и плодородие. В центре белого поля флага помещено изображение синей чакры, колеса закона с двадцатью четырьмя спицами — символа солнца, атрибута верховного бога хранителя Вишну, а в современном контексте символа прогресса в науке и технике.

Церемонии поднятия национального флага прошли по всей Индии. И, кажется, только один человек в стране не принимал участия во всеобщем ликовании. Им был Махатма Ганди, разочарованный ценой долгожданной свободы. В этот день он находился в Калькутте, чтобы сеять мир между индусами и мусульманами. Каждые полчаса он выходил к толпе, позволяя лицедрезать себя и прикоснуться к своим стопам.

Чтобы избежать религиозно-общинных конфликтов в праздничные дни, Маунтбэттен счел нужным передать «Решение» Рэдклиффа правительствам доминионов только 16 августа 1947 г. В результате индусы и сикхи в Лахоре и мусульмане в окрестностях Амритсара оказались жертвами собственного заблуждения. Они ликовали по случаю независимости Индии или Пакистана, не подозревая, на территории какого из государств они находились. Узнав горькую правду, люди проклинали судьбу, бросали имущество и стремились как можно скорее попасть на другую сторону границы.

ПОЕЗДА СМЕРТИ

Раздел Британской Индии сопровождали ожесточенные погромы, большие разрушения и огромные человеческие жертвы. Казалось, что бывшую колонию одновременно охватили коллективное безумие, триумф насилия и парад смерти. Эпицентром кровопролития стал Пенджаб. Смердящие трупы были здесь повсюду. Они лежали на площадях, перекрестках, вдоль дорог, в «поездах смерти». В блистательном бестселлере Ларри Коллинза и Доминика Лапьерра «Свобода в полночь» со слов очевидца событий дается описание такого поезда, прибывшего в Амритсар из Лахора.

У зрителя железнодорожной станции города Амритсара Чани Сингха было отличное настроение. Накануне в Дели Неру поднял флаг независимой Индии, и теперь он ощущал себя свободным человеком. В синей форменной фуражке и с красным флажком в руке он гордо шагал по перрону. Скорый поезд № 10 из Лахора прибыл строго по расписанию. Скрипнули тормоза, и огромная машина замерла у платформы. На перрон никто не вышел, и это озадачило зрителя. Тревожные предчувствия овладели им.

Он поднялся в вагон. Внутри стояла зловещая тишина. На полу он увидел мертвые человеческие тела с перерезанным горлом, разможенными черепами и вывалившимися внутренностями. По коридору были разбросаны отсеченные конечности и обезображенные туловища. Внезапно, до него донесся сдавленный стон. Осознав, что в этом чудовищном месиве еще могут находиться живые люди, Чани Сингх прокричал: «Вы в Амритсаре. Здесь сикхи и индусы. С нами полиция. Не бойтесь!»

Несколько «группов» пошевелилось. Происходящее напоминало кошмарный сон. Очнувшаяся женщина извлекла из кровавой лужи отрубленную голову своего мужа. Она прижа-

ла ее к груди и пронзительно завопила. Чани Сингх навсегда запомнил рыдающих детей, вцепившихся в истерзанное тело матери, и мужчину, который трясущимися руками пытался вытащить из кучи трупов покалеченного ребенка. Когда до толпы встречающих дошло случившееся, некоторые лишились чувств.

А зритель по инерции двигался вперед, перешагивая через распростертые тела. В каждом из восьми вагонов он наблюдал ту же страшную картину. В последнем ему стало совсем плохо. Пошатываясь, он выбрался на платформу. В носу стоял запах смерти. «Почему Бог позволил такому произойти?» — задавал он себе один и тот же вопрос [Collins, Lapierre, 1976, pp. 271–272].

В своей книге «Моя страна. Моя жизнь» бывший лидер оппозиции в парламенте Индии Лал Кришна Адвани рассказывает, что слухи о подобных поездах наводили ужас и панику на индусов в Карачи [Advani, 2008, p. 10]. Дамаянти Сагал, беженка, чьи воспоминания публикует индийская правозащитница Урваши Буталиа в книге «Другая сторона тишины», подтверждает, что сама не раз встречала «поезда смерти» на вокзале в Амритсаре [Butalia, 1998, p. 116]. На вагонах была хорошо видна дерзкая надпись — «Подарок из Пакистана». Порой она была сделана кровью и взывала к отмщению.

Имели место случаи, когда бесследно исчезали все пассажиры, ехавшие в поездах. Так 19 сентября 1947 г. в 8 милях от Дели был остановлен поезд, шедший в Лахор. Он перевозил 200 беженцев-мусульман, чья дальнейшая судьба до сих пор остается неизвестной. Через 3 недели после провозглашения независимости Маунтбэттен принял участие в проходах в Бомбее 5 тыс. британских солдат, а также провел несколько дней на отдыхе в Симле. По пути туда его личный поезд остановили мародеры, и около 100 мусульман были убиты, за исключением личного слуги генерал-губернатора, который успел спрятаться под лавкой [Юрлов, Юрлова, 2010, с. 288].

Вынужденные переселенцы передвигались в поездах с открытыми окнами и дверями. Женщины, дети и немощные старики со скрбом занимали сидячие места и проходы. Мужчины оккупировали крыши вагонов. На каждой промежуточной станции поезда ожидали новые толпы мигрантов, предпринимавшие отчаянные попытки протиснуться в вагоны. Помимо пассажирских составов для перевозки беженцев использовались товарные вагоны. Поезда сопровождала охрана из 2–3 полицейских, вооруженных пистолетами. Защитить пассажиров от дерзких нападений многочисленных банд такая охрана была не способна.

В ходе массовых погромов оказались разрушенными целые кварталы Лахора, Амритсара, Равалпинди и других городов. Больше всех пострадал Лахор. Некогда цветущий город, известный своими фонтанами, парками и дворцами, созданными во времена Великих Моголов, и пользовавшийся репутацией Парижа Востока, напоминал кладбище. Две трети жилых домов были сожжены, в реках и каналах плавали разложившиеся трупы. Бандиты насаживали детей на вертела, а женщинам отрезали груди. На текстильной фабрике в Лаялпуре рабочие-мусульмане повесили хозяина-сикха и всех его мастеров. Иноверцев насильно обращали в ислам, вегетарианцев заставляли есть говядину. Местный брахман воспротивился этому и зарубил жену и троих детей, а после вонзил нож себе в сердце [Collins, Lapierre, 1976, p. 288].

Если в Лахоре отряды вооруженных мусульман выслеживали и убивали индусов и сикхов, то в 35 километрах от него, в Амритсаре, сикхи безжалостно преследовали мусульман. Мужчинам рубили головы, а женщин раздевали, насиловали и вели к Золотому храму, где им перерезали горло. Атаки сикхов были яростными и жестокими. Они целенаправленно ис-

требляли мусульман, чтобы освободить земли для потока сикхских беженцев с запада. Их планы на будущее исходили из того, что сикхская община должна занимать компактную территорию. «Люди совсем обезумели, стали хуже животных. Ничто не может быть страшнее такого безумия», — вспоминал те дни Неру [Гопал, 1990, т. 2, с. 6]. Иногда доходило до того, что первый премьер-министр независимой Индии оставлял служебный автомобиль на обочине и в одиночестве сражался со столичными мародерами с помощью собственных кулаков.

Пограничные силы численностью в 55 тыс. человек под командованием генерал-майора Т. Риса не только не смогли навести порядок в провинции, но и сами подчас выглядели непристойно. Некоторые из пограничников принимали непосредственное участие в акциях насилия на той или другой стороне. Такие эксцессы были зарегистрированы в городе Шейхупуре в Западном Пенджабе и дистриктах Гурдаспур и Джаландхар в Восточном Пенджабе [Select Documents, 1991, р. XXVIII]. К тому же этих сил было крайне недостаточно, чтобы защитить мирную жизнь в 26 городах и 18 тыс. деревнях на территории Пенджаба, равной половине Франции.

Резня и погромы, вспыхнувшие после обнародования «Решения» Рэдклиффа, продолжались до конца 1947 г. Точных данных о количестве жертв и материальных потерях не существует. Так, генерал-губернатор Индийского Союза лорд Маунтбэттен говорил о 100 тыс. погибших, потом — 200 тыс. По оценкам историков Пендерела Муна [Moon, 1961, р. 283] и Генри Ходсона [Hodson, 1969, р. 342], число убитых составило 200–250 тыс. Робин Мур считает, что убитых было 500 тыс. [Moore, 1983, р. 327], а Майкл Эдвардс — 600 тыс. человек [Edwards, 1963, р. 223]. По мнению большинства современных историков, в ходе раздела погиб 1 млн человек [The Partition, 2000, р. XV; Bhatt, 1998, р. 128; White-Spunner, 2017, р. 231], но некоторые полагают, что жертв было намного больше, и называют цифру 2 млн и более [Butalia, 1998, р. 3].

ТРУДНОЙ ДОРОГОЙ БЕЖЕНЦЕВ

Рождение новых доминионов стало причиной массовой миграции населения. Вынужденных переселенцев никто не считал. Учитывались корабли, поезда, самолеты, автобусы и грузовики, которые их перевозили, а также палатки, медикаменты и деньги, выделяемые на содержание многочисленных лагерей беженцев. Число 14 млн 630 тыс. беженцев имеет арифметическое происхождение. Оно представляет итог несложных расчетов, проделанных в ходе сравнения данных переписей, проведенных в 1941 г. в Британской Индии и в 1951 г. в Республике Индия и Пакистане.

Сравнивая показатели упомянутых переписей, министр по социальной реабилитации Индии в 1950–1954 гг. Аджит Прасад Джайн пришел к заключению, что количество беженцев, прибывших с 1947 по 1951 г. в страну из Пакистана, составило 7,48 млн человек, в том числе 2,575 млн из Восточного Пакистана и 4,905 млн из Западного Пакистана. Эти данные он огласил в парламенте Индии [Amrit Bazar Patrika, 29.07.1952]. Аналогичные расчеты применительно к территориям Восточного Пенджаба и Западной Бенгалии, вошедших в состав Индийского Союза, позволяют предположить, что число мусульманских беженцев в Пакистан в рассматриваемый период достигло 7,15 млн [Godbole, 2006, р. 208]. Если сложить 7,48 млн и 7,15 млн, то получится 14,63 млн, т. е. искомая сумма. Но в конкретном случае не учитывается количество мусульманских беженцев из Соединенных провин-

ций, Центральных провинций, Бомбея, Бихара и других регионов Индии, а также княжеств Хайдарабад, Джунагадх, Бхопал и др. Между тем это число могло превысить несколько миллионов человек.

Подавляющее большинство индийцев становились беженцами после того, как покидали родной очаг. Конечная точка маршрута представлялась им весьма абстрактно — территория доминиона Индийский Союз либо территория доминиона Пакистан. Колонны беженцев обычно следовали к границе из населенных пунктов, охваченных погромами, и включали от 50 тыс. до 100 тыс. человек.

«Обозревая колонну издали, — пишет собственный корреспондент газеты “The Hindustan Times” в статье, опубликованной 2 ноября 1947 г., — вы никогда не сможете определить, кто находится в ней в настоящий момент, индусы или мусульмане. Все такие колонны похожи друг на друга и отличаются только тем, что движутся в противоположных направлениях.

Возглавляли процессию высокие двухколесные повозки, запряженные волами. На них была свалена разнообразная домашняя утварь, из которой торчали головы переживших погромы домочадцев. Повозки сопровождала группа всадников на лошадях, верблюдах и ослах. Остальные мигранты передвигались пешим ходом, включая вооруженных карабинами солдат. Между солдатами сохранялся интервал в 200 метров. В арьергарде колонны следовал джип.

По обочине плелся крупный рогатый скот — коровы, быки, буйволы, а также стаи голодных собак. Голодные, усталые и измученные люди шли очень медленно. Каждый шаг требовал от них больших усилий. Чтобы подняться на мост через реку или канал, беженцы ожидали очереди по несколько часов. Дети хватались за матерей, жены за мужей, старики за сыновей. Переселенцы утопали в клубах пыли, которая поднималась высоко в небо. Невыносимый смрад тянулся шлейфом за колонной на многие километры. Это был запах мочи, экскрементов и гниющего мяса.

«Когда я впервые увидел беженцев, то не мог заснуть всю ночь, — рассказывал корреспонденту “The Hindustan Times” армейский офицер. — Глаза голодных женщин и детей нестерпимо жгли мое сердце. Я ощущал себя в Панджабе как на войне».

В одной из повозок женщина выбирает вшей из растрепанных волос девочки. Ее соседка кормит грудью младенца. Апатию и беспомощность выражают лица беженцев. Что будет дальше с ними? Они вышли из Лаялпура, города в Западном Панджабе, и находятся в пути уже десять дней. Возможно, им еще повезло! Когда колонна следовала по территории Пакистана, никто ни разу не напал на них. Не было проблем у них и при пересечении границы. Но сейчас они находятся на пределе. А больше всего на свете несчастные люди мечтают о своем участке земли, где могли бы построить дом. Но хватит ли свободной земли на всех беженцев в Восточном Панджабе? Еще совсем недавно у них были дома в одном из самых плодородных районов Британской Индии. А теперь ничего не осталось. Они потеряли все и не по своей вине.

В голове колонны раздается подозрительный шум. К месту событий спешит джип с конвоем. Оказалось, вол свалился от истощения и подох, перегородив дорогу. Его владелец в растерянности разводит руки и объясняет военным, что у него давно закончились припасы и скот нечем кормить. Труп животного и повозку стаскивают на обочину. Движение возобновляется.

Корова родила теленка. «Слава Богу, что отличилась корова, — грустно улыбается офицер. — У нас уже несколько новорожденных младенцев, и всякий раз возникает одна и та же проблема, где найти доктора. В обозе и на марше врачи не предусмотрены».

Из крайней повозки доносятся громкий плач и стоны женщины: «Он умер. Он умер. Он умер». Это она о пожилom отце, который не пережил обрушившихся на него тягот и скончался. Офицер приказал снять с повозки мертвое тело и оставить на обочине. Над трупом склонилась безутешная дочь. «Порой в день умирает по 30–40 человек. Мы здесь еще и как похоронная команда», — признался офицер.

Наступил вечер. На цветущей поляне под зеленым холмом беженцы разбивают лагерь. Утром встанет солнце и поляна обратится в грязную, зловонную лужу [The Hindustan Times, 02.11.1947]. И таким в те роковые дни был весь Панджаб, и Восточный, и Западный.

Помимо голода переселенцы страдали от сырости и дождя. Они спали по колено в воде, вспоминает бывший беженец, водитель скутера в Дели Раджиндер Сингх. Когда колонна следовала по территории Пакистана, мужчины промышляли воровством в продуктовых лавках, поведал он с гордостью и без тени смущения [Butalia, 1998, p. 104].

В знаменитом фильме британского режиссера Ричарда Аттенборо «Ганди», завоевавшего в 1983 г. 8 премий «Оскар» Американской киноакадемии, есть постановочный эпизод встречи колонн беженцев-мусульман и беженцев-индусов. После взаимных угроз и проклятий произошла массовая драка, в которой погибло и было ранено несколько десятков человек. В действительности подобные сцены имели место в первые дни после раздела Британской Индии. Затем маршруты движения пеших колонн были разведены, что позволяло предотвращать эксцессы.

На колонны часто нападали банды грабителей и мародеров. Они появлялись неожиданно из зарослей сахарного тростника и кукурузы. Главной добычей бандитов были девушки и молодые женщины. Их насиловали, обращали в свою веру и принудительно выдавали замуж. По данным Центральной организации по реабилитации, действовавшей до 1957 г. в Индии и Пакистане, на 6 декабря 1947 г. в Западном Панджабе и княжестве Бахавалпур было похищено 6208 женщин, а в Восточном Панджабе, княжестве Патнала и других — 16063 женщины [Rai, 2000, pp. 187–188]. Однако многие авторы считают эти цифры заниженными в разы. По мнению Урваши Буталиа, только в Кашмире таких женщин было 100 тыс. [Butalia, 1998, p. 132].

Из числа похищенных женщин на декабрь 1949 г. 12 тыс. возвратили в Пакистан и 6 тыс. в Индию [Menon, Bhasin, 1993, p. 5]. Возможно, что их было бы больше, но родственники часто отказывались принимать их обратно в семью. В одном из интервью премьер-министр Индии Дж. Неру осудил такую позицию: «Мне сообщили, что некоторые родственники не хотят возвращения похищенных девушек и женщин. Это решение несправедливо и достойно нашего осуждения. Эти девушки и женщины нуждаются в нашем внимании и бережном отношении родных. Они должны быть уверены, что их примут обратно и окажут им помощь» [The Hindustan Times, 17.01.1948].

РАЗЛОМ ЭКОНОМИКИ

Раздел Британской Индии повлек за собой разрыв сложившихся экономических и торговых отношений и был отмечен неравномерным распределением ресурсов. В итоге на территории Индии остались 90% разведанных запасов полезных ископаемых, 90% добывающей и обрабатывающей промышленности, почти все чайные плантации, а на территории Пакистана — 10% природных богатств и менее 10% общего числа промышленных предпри-

ятий, причем наиболее крупные из них принадлежали индийскому капиталу. Фабрично-заводское оборудование было устаревшим, малопроизводительным и изношенным. Кустарные предприятия по первичной обработке сельскохозяйственного сырья работали лишь несколько месяцев в году.

Все предприятия джутовой промышленности и почти все хлопчатобумажной были сосредоточены в Индии, тогда как районы производства джута и длинноволокнистого хлопка отошли к Пакистану. Территории, включенные в состав Пакистана, получали из находившихся в Индии провинций уголь, электроэнергию, сталь, чугун, многие виды промышленных товаров, в то же время ряд территорий Индии потребляли продовольствие, производимое в провинциях Пакистана. При этом в отношении сельскохозяйственного сырья и продовольствия последний оказался в более выгодном положении. Так, в 1948–1949 гг. Пакистан производил 11621 тыс. тонн риса, а Индия, имеющая население в пять раз больше, выращивала риса лишь в 2,5 раза больше [Новейшая история Индии, 1959, с. 471].

Раздел Пенджаба прежде всего ослабил экономику восточной части провинции. Обладая 37% территории и 43% населения провинции, Восточный Пенджаб получил только 29,7% орошаемых земель, 25, 4% — посевов хлопка, 32,1% — пшеницы и 36,6% — риса [Basic Facts, 1947, p. 24]. К Западному Пенджабу отошли 61,2% лесных угодий, большая часть минеральных ресурсов и ряд предприятий с замкнутым промышленным циклом, в том числе производство смол, резинотехнических изделий, спичек, хирургических инструментов и др. Он получил 9 маслозаводов из 11, 12 мукомолен из 20, 2 кожевенные фабрики из 3, 6 химических предприятий из 9, 35 переплетных цехов из 43 [Basic Facts, 1947, p. 25]. Вместе с тем Восточный Пенджаб сохранил за собой контроль за водами 3 из 5 главных рек и функционированием важных каналов, пересекавших провинцию с востока на запад.

В то же время раздел Бенгалии оставил ее восточную часть при хроническом дефиците продуктов питания и особенно муки. Здесь не было ни одной железнодорожной мастерской, ни одного металлургического или химического предприятия и функционировал всего один цементный завод. Мощные наводнения ежегодно наносили Восточной Бенгалии огромный урон. К тому же цена на джут после отказа Пакистана девальвировать рупию резко подскочила, и Индия была вынуждена временно приостановить его закупки. Сокращение производства обострило проблему занятости.

Такова была цена свободы в полночь. А что до роста национального самосознания и процессов межэтнической интеграции в Индии и Пакистане после «передачи власти», то они во многом были закономерным явлением и в какой-то степени могли служить утешением для новых доминионов в обстановке кровопролитных религиозно-общинных погромов, огромных человеческих жертв, массовой миграции населения, больших разрушений и материальных потерь.

Все вышесказанное наилучшим образом иллюстрирует следующая история о разделе Британской Индии и его последствиях, о подлинных героях свободы в полночь, о любви, ненависти, верности и предательстве. Ее считают самой известной и пронзительной историей индийских переселенцев 1947 г. По этому сценарию уже снято несколько фильмов.

ТУФЕЛЬКИ С ПОЗОЛОЧЕННЫМИ ПРЯЖКАМИ

Участник штурма Мандалая и бирманской кампании, слуга народа, Бута Сингх был в поле, когда за его спиной раздался душераздирающий вопль. Он обернулся и увидел де-

вушку, бегущую по борозде в его сторону. Ее настигал бородач в темно-красном тюрбане. Бута Сингх заслонил беглянку и поднял тяжелую мотыгу. Мародер застыл на месте и прорычал:

— Полторы...тысячи, и она твоя.

Фермер отвел девушку в хижину и скоро вернулся с пачкой помятых банкнот.

Ее звали Зайнаб. Ей было всего 15. Родители Зайнаб погибли в колонне мусульманских беженцев, следовавшей из Индийского Союза в Пакистан.

Бута Сингх купил ей бирюзовое сари, кусок душистого мыла и туфли, расшитые бисером. Он был одинок, и Зайнаб заменила ему семью. Вместе с ним она трудилась в поле, помогала по дому.

Как-то вечером под окнами хижины запела флейта, загремели барабаны. Дверь распахнулась и впустила местного гуру. Он зачитал фрагмент священной книги и объявил их мужем и женой. Через год у них родилась дочь. По сикхской традиции счастливый отец открыл «Грантх Сахиб» и угодил пальцем в слово, которое начиналось на букву «Т». Бута Сингх назвал дочь Танвир (Храбрая).

Весны сменяли друг друга, и постепенно Панджаб залечил раны раздела 1947 г. Благодаря высокой культуре земледелия и трудолюбию людей в обеих его частях успешно развивалось сельское хозяйство, производство промышленных товаров, торговля.

Но вот пробил час, и власти вспомнили о Зайнаб. В соответствии с межправительственным соглашением ее забрали из семьи и этапом отправили в Пакистан. Недалеко от Исламабада у нее нашелся дядя. Он был заинтересован в возвращении Зайнаб, так как на каждого беженца выделяли дополнительный участок земли.

В отчаянии Бута Сингх постриг волосы и принял ислам. Теперь его звали Ахмадом, а дочь — Султаной. Добравшись до Дели, он направился в посольство Пакистана и заявил о желании эмигрировать в эту страну. Ему отказали. Он обратился за визой и опять получил отказ. Тогда с риском для жизни он самостоятельно переправился через границу.

Оставив девочку у знакомых в Лахоре, бедолага разыскал деревню, где проживала семья Зайнаб. Там он узнал, что она вышла замуж за двоюродного брата. Поговорить с ней ему не удалось. Когда он проявил настойчивость, его поколотили. Он обратился в полицию, но был арестован как нелегальный эмигрант.

В помещении, где проходил суд, собралось много народу. Зайнаб старалась не смотреть в его сторону. Худая и бледная, она казалась больной.

— Узнаете вы этого мужчину? — обратился к ней судья.

— Да, — ответила она еле слышно. — Это мой бывший муж, Бута Сингх.

— Желаете вы вместе с ним возвратиться в Индию? — задал ей другой вопрос судья и нахмурил брови.

Присутствующие затаили дыхание. Зайнаб опустила глаза. Мгновения таяли. Зал неодобрительно гудел. Женщина очнулась и, собрав силы, выдохнула:

— Нет!

Бута Сингх рухнул на пол и потерял сознание. Когда его привели в чувство, он дрожащей рукой указал на ребенка и медленно заговорил:

— Зайнаб! Не хочу, чтобы наша дочь росла сиротой. Пусть она останется с тобой.

В зале воцарилась тишина, и в ней явственно прозвучало:

— Нет!

Взяв девочку за руку, Бута Сингх захромал к выходу. Всю ночь он молился, а она мирно спала на розовой подушке. Ранним утром он отправился на базар, откуда вернулся с пакетом сладостей и новой детской одеждой. Самым красивым подарком были туфельки с позолоченными пряжками.

По дороге к вокзалу он пытался объяснить дочери, что она никогда не увидит мать. Вдали протяжно гудел поезд. Бута Сингх обнял девочку и крепко поцеловал. Потом он вжал голову в плечи и шагнул под колеса. Звезды вспыхнули в его глазах и потухли навсегда.

На окровавленном теле полиция обнаружила записку:

«Не осуждай меня, Зайнаб! Не прогоняй хотя бы мертвого».

Но односельчане Зайнаб перегородили дорогу погребальной процессии, едва не опрокинули носилки и не позволили похоронить Бута Сингха на деревенском кладбище. В конце концов гроб переправили в Лахор, где останки были преданы земле. Султану удочерила и воспитала состоятельная мусульманская семья. Она вышла замуж за инженера и, по слухам, проживала в Ливии. У нее трое детей и есть внуки...

Эта трагедия привлекла внимание печати Индии и Пакистана и напомнила о цене свободы в полночь. Существует ее несколько версий. Автор настоящей статьи выбрал ту, которую излагают Ларри Коллинз и Доминик Лапьерр [Collins, Lapierre, 1976, pp. 337–338, 457–460].

Литература / References

- Азад А. К. *Индия добивается свободы*. М., 1961 [Azad A. K. *India Wins Freedom*. Moscow, 1961. (in Russian)].
- Гопал С. *Джавахарлал Неру. Биография*. Т. 2. М., 1990 [Gopal S. *Jawaharlal Nehru. A Biography*. V. 2. Moscow, 1990. (in Russian)].
- Кашин В. П. *Индия: независимость, раздел и диалог с Россией*. М., 2022 [Kashin V. P. *India: Independence, Partition and Dialogue with Russia*. Moscow, 2022. (in Russian)].
- Новейшая история Индии*. М., 1959 [Modern History of India. Moscow, 1959. (in Russian)].
- Юрлов Ф. Н., Юрлова Е. С. *История Индии. XX век*. М., 2010 [Yurlov F. N., Yurlova E. S. *History of India. The 20th Century*. Moscow, 2010. (in Russian)].
- Advani L. K. *My Country My Life*. New Delhi, 2008.
- Basic Facts Relating to Hindustan and Pakistan*. New Delhi, 1947.
- Bhatt S. P. *The Great Divide. Muslim Separatism and Partition*. New Delhi, 1998.
- Butalia U. *The Other Side of Silence*. New Delhi, 1998.
- Collins L., Lapierre D. *Freedom at Midnight*. Delhi, 1976.
- Constitution Relations between Britain and India. The Transfer of Power. 1942-1947*. V. 9. The Fixing of Time Limit. 4 November 1946 — 22 March 1947. London, 1980.
- Constitution Relations between Britain and India. The Transfer of Power. 1942-1947*. V. 10. The Mountbatten Viceroyalty. Formulation of a Plan. 22 March — 30 May 1947. London, 1981.
- Constitution Relations between Britain and India. The Transfer of Power. 1942-1947*. V. 11. The Mountbatten Viceroyalty. Announcement and Reception of the 3 June Plan. 31 May — 7 July 1947. London, 1982.
- Constitution Relations between Britain and India. The Transfer of Power. 1942-1947*. V. 12. The Mountbatten Viceroyalty. Princes, Partition and Independence. 8 July — 15 August 1947. London, 1983.
- Edwards M. *The Last Years of British India*. London, 1963.
- Godbole M. *The Holocaust of Indian Partition*. New Delhi, 2006.
- Hodson H. V. *The Great Divide: Britain — India — Pakistan*. London, 1969.
- Menon R., Bhasin K. Recovery, Rupture, Resistance. Indian State and Abduction of Women during Partition. *Economic and Political Weekly*. 1993. 28.17. Pp. 2–11.

Moon P. *Divide and Quit*. London, 1961.

Moore R. J. *Escape from Empire*. Oxford, 1983.

Nehru J. *Selected Works. Second Series*. V. 3. New Delhi, 1985.

Rai S. M. Partition and Women: the Case of Punjab. Amrik Singh (ed.). *The Partition in Retrospect*. New Delhi, 2000. Pp. 178–197.

Select Documents on Partition of Punjab, 1947. Delhi, 1991.

The Partition in Retrospect. Amrik Singh (ed.). New Delhi, 2000.

White-Spunner B. *The Story of Indian Independence and the Creation of Pakistan*. London, 2017.